

УДК 004.77:37-053.6

О. С. Гилязова,
доцент кафедры социологии
и технологий государственного
и муниципального управления,
кандидат философских наук,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

В сфере образовательных услуг возможности (прежде всего коммуникативные), предоставляемые современными информационными технологиями, кажутся наиболее перспективными и востребованными не только администрацией образовательных учреждений (от школы до вуза), но и широкими массами населения.

Ключевые слова: дистанционное образование, молодежь, студенты, инвалиды.

Современные «новые медиа» предоставляют немислимые ранее преимущества, которыми, при всей любви к «традиционным средствам обучения», было бы весьма странно пренебрегать. Однако для объективности не помешало бы рассмотреть и ограниченность (и негативные проявления или последствия) этих преимуществ, на которые принято закрывать глаза.

Главное преимущество — это, конечно, мобильность, мгновенность передачи сообщения на любые расстояния любому количеству адресатов и, фактически, в любом формате — текстовом, видео- и аудиоформате (за счет мультимедийности). Данное преимущество онлайн-образования наиболее важно для людей с ограниченными физическими возможностями,

а также для проживающих в «глубинке». Другое дело, что не затушевываем ли мы проблему с теми же инвалидами: вместо того чтобы развивать доступную среду для них, ограничиваемся подключением их компьютеров к соответствующему образовательному контенту и на том успокаиваемся. А ведь образование подразумевает под собой не только получение информации, но и общение, и общение не только формальное и опосредованное. А так школьник-инвалид или студент вынуждены превратиться в хикикомори (в переводе с японского — «отходить, устраниваться», «быть заточенным, заключенным»). Хикикомори — это особый вид расстройства социальной адаптации, присущий в основном молодежи и подросткам, избегающим любых непосредственных контактов с обществом и выбирающих добровольное заточение в квартире, живущих либо за счет родителей, либо за счет удаленной работы. Интернет-коммуникации при подобной самоизоляции оказываются чуть ли не единственным спасением, виртуальным окном, приоткрывающим реальный мир. Но если обычные хикикомори добровольно прячутся от внешнего мира, то дети, подростки, молодежь с ограниченными физическими возможностями — от безвыходности. Притом, судя по опросам на форумах интернет-порталов (например, на e1.ru), большинство родителей обычных детей не против их соседства с физически ограниченными детьми; опасными считаются только с поведенческими нарушениями.

Иллюзия одиночества и даже заброшенности и отверженности может сформироваться и у обычных студентов-слушателей дистанционных курсов, а не только у инвалидов: онлайн-контакты хороши, когда дополняют, а не заменяют общение «в реале». Все это также может способствовать появлению проблем с чувством причастности к своей альма-матер, ее интересам. Университет (или иное учебное заведение) будет восприниматься не более как поставщик образовательных услуг — в ряду подобных. Для тех, кто получает дистанционное образование

в качестве дополнительного, в качестве подспорья к уже сложившемуся жизненному пути и карьере, это может быть и не столь важно. Но для остальных студентов, а также сотрудников и преподавателей все же, думаю, не столь безразлично, что родной вуз может превратиться в некое обезличенное учреждение. Ведь специальные логотипы, слоганы, гимны, форма одежды и т. п. еще не придают «корпоративный дух». Для этого нужны люди с ощущением своей принадлежности, необходимости, преемственности — всем тем, что формируется при взаимном живом, долгом, продуктивном и бескорыстном общении и сотрудничестве.

Что касается «глубинки», то расширение подобного «дистанционного» образования с одновременной «оптимизацией» сельских школ выглядит лишь временным решением: есть неутолимая тенденция умирания тех поселений, где исчезает школа — «оффлайновая» школа.

Вторым немаловажным достоинством дистанционного образования является (особенно в глазах занятых людей, а также тех же студентов-заочников, вынужденных совмещать учебу с работой) предоставляемая им возможность управлять своим временем. Но здесь возникает проблема, ставшая актуальной и для остальных форм «заочной занятости» — для работников мобильных офисов, для фрилансеров и т. п., а именно проблема самоорганизации. Но если фрилансеров и иных удаленных работников мотивирует сама необходимость в «хлебе насущном», то учеба (хоть очная, хоть заочная, хоть дистанционная), имея более косвенное и отдаленное отношение к этому «хлебу», такой сильной мотивации не дает. Поэтому нам, преподавателям дистанционных курсов, и приходится выдумывать различные способы контроля за ходом обучения наших слушателей, притом сам контроль должен быть регулярным и постоянным. Для этого должна быть налажена четкая обратная связь, а преподаватель из «говорящей головы» превращается даже не столько в тьютора-консультанта (по задумке организаторов дистан-

ционного обучения), сколько в контролера. Но без этой роли смысл данной формы обучения просто пропадает. Недаром многие бесплатные онлайн-курсы так быстро расхолаживают своих подписчиков своей необязательностью (особенно если речь идет о занятиях хобби) и «бесконтрольностью».

Гибertextуальность виртуальной среды, в рамках которой проходит дистанционное обучение, также считается одним из немаловажных ее достоинств, недостижимых при использовании традиционных форм обучения с устаревшими средствами передачи информации. Иногда эту гибertextуальность, а вернее, ее применимость, явно преувеличивают. «Раньше была формула: «Миром владеет тот, кто владеет информацией». Сейчас она изменилась: «Миром владеет тот, кто быстрее находит нужную информацию». Сейчас не надо все запоминать. Нажал кнопку, вышел в интернет — и все знаешь» [1], — как в своем интервью «Ленте.ру» сказал бывший министр образования, ныне ректор Российского университета дружбы народов (РУДН), руководитель рабочей группы по разработке стратегии Владимир Филиппов. Но мало найти материал в Интернете, мало даже прочитать его, надо еще и освоить. И освоение (и усвоение) освоению — рознь. Недаром дидактики выделили несколько уровней от низшего — к высшему: репродуктивный, понимание, применение, аналитический, творческий и оценочный.

В системе высшего профессионального образования для курсов социально-гуманитарного цикла и естественнонаучного требуются, как правило, первый и второй уровни усвоения (кроме иностранного языка и информатики); для курсов общепрофессионального цикла — третий и четвертый; для специальных курсов — четвертый или даже пятый. Кроме того, в каждом курсе есть темы и разделы, требующие разного уровня усвоения. Считается, что фактологический, справочный или иллюстративный материал не требует усвоения на высших уровнях, а достаточно простого ознакомления с ним. Однако

иногда кажется, что реформаторы высшей школы полагают чуть ли не весь массив знаний не более чем фактологическим, не требующим высших уровней освоения, а потому и преподавателей «выносят за скобки», ведь «нажал кнопку, вышел в интернет — и все знаешь».

Однако разговоры о всеохватности Интернета и доступности его материалов звучат несколько лицемерно. Обманчивая простота нахождения информации в Интернете дает студентам иллюзию, что иной работы с ней и не стоит затрудняться: нашел нечто требуемое, скачал и на том успокоился. Даже в своем поиске иной раз идут по пути наименьшего сопротивления: находят информацию на первом же выскочившем сайте (на той же Википедии) и даже не дают себе труда проверить ее правильность, будто и в Интернете (и в той же Википедии) не может быть недочетов, несообразностей и обычных ошибок. Впрочем, чтобы видеть эти ошибки и несообразности, нужно хорошо (иногда — просто элементарно) разбираться в материале. Да и прежде чем суметь выбрать подходящий материал, нужно хотя бы знать, какой материал выбирать.

Для того чтобы в специальных дисциплинах не ограничиваться низшими уровнями усвоения материала, в системе дистанционного обучения приходится использовать методы, которые хотя бы отдаленно помогут воспроизвести атмосферу оффлайн-обучения и в киберпространстве. Речь идет о таких методах, как деловая игра, анализ ситуационных задач (case study), дискуссии (в рамках форумов и чатов), выполнение проектов и т. п. Впрочем, онлайн-овое использование этих методов только приближает, но не превосходит их же оффлайн-овое использование в образовательных практиках. Однако мультимедийные технологии, создающие имитационную, симулятивную реальность, в отработке навыков действия в опасной, непривычной ситуации оказываются куда эффективнее, чем иные обычные тренажеры, а тем более реальные механизмы.

В конечном счете стоит ли рьяно противопоставлять онлайн-новые и оффлайн-формы обучения? В конце концов это только формы, а важно стоящее за ними содержание. И информационные технологии — это только технологии, средства обучения. Так стоит ли в средствах, пусть и самых современных и новомодных, видеть цель и подменять ими эту цель? Да, приятно учить и учиться в мультимедийных аудиториях. Но не полезнее ли было бы подумать заодно о социальной и материальной защищенности школьников и студентов (да и преподавателей)? При каких условиях следует ожидать лучшей отдачи тех же студентов: когда есть, например, стипендия, позволяющая не думать о работе, отвлекающей от учебы; когда доступны места в общежитии (не только для иностранцев и первокурсников), чтобы не болела голова о деньгах для съема комнаты; или когда есть мультимедийная доска вместо обычной? Думаю, ответ очевиден. А иначе не напомним ли это ситуацию с теми деревнями нашей области, где нет газа, нет дорог, фельдшерского пункта и иной инфраструктуры, зато хотят выделить для них десятки миллионов рублей для проведения сети Интернет.

Речь не идет о подмене одних потребностей другими. Проблемы должны решаться вместе, а не вместо, тем более что они друг другу не противоречат. А иначе ожидание улучшения ситуации с образованием, ограниченное в основном лишь внедрением и совершенствованием образовательных технологий, будет выглядеть если не лицемерно, то наивно.

Список литературы

1. «А я ведь комсомолец, атеист». Ради чего в России готовят стратегию воспитания молодежи [интервью с В. Филипповым. Беседовала Наталья Гранина] // Сайт Lenta.ru 07:45, 4 февраля 2015. Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2015/02/04/strategy/> (дата обращения: 17.09.2015).